

CRIME & PRIVATE

анна
Данцлова

ПРИЗРАК МОНРО

Их красота завораживала,
заставляя пойти на преступление...

Анна Данилова
Призрак Монро
Серия «Crime & private»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41610883

Призрак Монро: Эксмо; М.; 2012

ISBN 978-5-699-59095-7

Аннотация

Подруги Дина Плетнева и Светлана Рысина обнаруживают на пляже труп красивого молодого мужчины. Проезжавшие мимо Марк Садовников и его жена, художница Рита, сообщают о происшествии в милицию. Девушек задерживают как подозреваемых в убийстве Александра Сажина. Марк Садовников, следователь прокуратуры, пытается уложить разрозненные кусочки в стройный логичный узор, но новые данные постоянно изменяют картинку, словно в калейдоскопе. Ясно одно – без Риты у него ничего не получится. Но между ними неожиданно выросла стена взаимного отчуждения и непонимания. Впервые расследование убийства оказывается личным делом для Марка Садовникова и Риты. И еще неизвестно, чем все это закончится...

Содержание

1	5
2	15
3	23
4	30
5	41
6	45
7	53
8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Данилова

Призрак Монро

© Дубчак А.В., 2012

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

1

– Знаешь, наверное, я – собственница... Понимаю, что не имею права на этот пляж, на это место, которое мы с тобой окрестили «У трех дубов», но, когда я вижу здесь чужих, возникает такое чувство, словно залезли ко мне в квартиру. Это же наше кострище, наш песочек, такой он мягкий, желтый, да и вода здесь будто чище, чем во всей Волге. А вид! Ты только посмотри, как в тумане тонут желтые и красные деревья противоположного берега... Конечно, это называется – коса или пролив, не знаю, я в этом не разбираюсь, но все равно вода настоящая, волжская. И здесь просто сказочно красиво! Жаль, что я не нахожу прелести в рыбной ловле, да и ты, моя дорогая Диночка, тоже. Думаю, мы упускаем что-то приятное в этом смысле, хотя уху можно спокойно варить и из покупных карпов и лещей, ты не находишь?

Света Рысина, двадцати лет, редкой красоты натуральная блондинка с нежным лицом, украшенным пикантной родинкой над верхней губой, кутаясь в шерстяной шарф, ходила по берегу и подбирала сухие камышины, выброшенные на берег и успевшие подсохнуть веточки, то и дело забираясь в густые заросли ивняка, где не спеша, с удовольствием собирала хворост. Ей нравилось здесь все: и запах застоявшейся речной воды, и стеклянное дребезжание лягушачьего хора, и светлеющее над головой небо, и запах дыма от неболь-

шого костра, которым занималась ее лучшая подруга, Дина. Даже вид перламутровых рыбьих кишок, оставшихся после выпотрошенных лещей, приводил ее в восторг своей цветовой гаммой, и не только это. Ей казалось, что, лишь будучи в этом месте, она сливается с природой, является ее частью, что здесь все настоящее и что только тут они с Диной могут побыть самими собой, отдохнуть, расслабиться, позагорать, поговорить без свидетелей о чем-то более важном, чем цифры, деньги и производственные проблемы. И без суеты, как это происходит в городе, там – сплошные телефонные звонки, обрывистые нервные разговоры, да все о делах, дежурные эсэмэски, засоряющие не только телефон, но и мозги, густое мелькание знакомых лиц, усталость уже с самого утра, пластиковые стаканчики с кофе, котлеты в буфете...

Они с Диной работали в фирме, каких в городе – сотни. Занимались отчетами, целыми днями сидели перед экранами своих компьютеров, посылали письма компаньонам, поставщикам, клиентам. Много курили – просто так, чтобы заполнить паузы между насыщенными работой часами и немного перевести дух. Пытались бросить курить – по очереди, но пока что ничего не выходило.

Дина, ровесница Светы, полноватая, но очень приятной наружности шатенка с карими глазами, отличалась от порывистой и энергичной подруги плавными движениями и природным спокойствием. Она была немногословна и умела слушать. Вот и сейчас она слушала восторженную болтовню

Светланы и мысленно во всем с ней соглашалась. И на самом деле это было их место: они его открыли два года тому назад и даже дорогу с основной трассы, между поросшими травой и мелкими кустарниками холмами, проторили сами девушки, рискуя провалиться колесами в какую-нибудь скрытую от глаз травой яму или даже в незаметный овражек. Машина, на которой они сюда приезжали, принадлежала Светлане – подержанный, но быстрый и легкий «Фольксваген», мечта бесколесной Дины, обладавшей правами, но не имеющей возможности пользоваться даже отцовской «Ладой». Отец не позволял Дине самостоятельно водить машину, считая это крайне опасным занятием.

– Дина, ау, ты слышишь меня? – Света появилась за спиной Дины неожиданно и со смехом попыталась испугать подружку. – Смотри, сколько хвороста я насобираала.

– Насобираала ты много, конечно, но все это сгорит очень быстро. Надо бы найти ветки потолще, ничего, даже если они будут влажными. Когда костер разгорится и образуются угли, эти толстые палки подсохнут и тоже начнут давать тепло. Я не очень хорошо в этом разбираюсь, но твои веточки сгорят за несколько минут, это точно. У тебя хорошие духи, – улыбнулась Дина. Длинные локоны подружки коснулись ее лица, и она сразу же узнала аромат. – Это те самые, что тебе подарил...

– Не хочу о нем говорить... противный! И вообще, его бог покарал – представляешь, на него упала кухонная полка.

Послышалась мелодия из «Волшебной флейты» Моцарта – дал о себе знать телефон. Светлана машинально достала аппарат из кармана широких удобных джинсов.

– Да? Гм... – Она резко захлопнула крышку телефона и с каким-то остервенением сунула его обратно в карман. – Вот идиот! Телефон, что ли, отключить?

– Снова маньяк? – Дина сунула в огонь сухие ветки и принялась с удовольствием смотреть, как костер разгорелся на ее глазах, от него полыхнуло жаром. В этот утренний час, когда солнце было еще бледным, и лучи его не могли пробить туман, и тепло еще только ожидалось, костер был просто спасением. – Не думаю, что из-за какого-то придурка тебе надо отключать телефон. Твоя мать с ума сойдет, если не сможет дозвониться до тебя.

– Это точно. Ну что, нести котелок с водой?

– Неси. Не знаю, как ты, а я на природе всегда есть хочу. У нас есть черный хлеб?

– Есть. Сейчас расстелю плед, нарежу хлеб, посолю. Ой, умираю, как хочется хлеба! Вот смотри: в городе мы разве получили бы столько радости от куска простого черного хлеба с солью? Может, домик купить где-нибудь на берегу? В деревне, к примеру? Здесь совсем рядом есть населенный пункт.

– Да, есть, только в этой деревне живут одни миллионеры. Думаешь, ты одна сообразила, что жить в деревне на берегу Волги приятнее, чем в городе? Эх ты, Светик!

Светлана принесла из машины плед, расстелила его неподалеку от костра на холодном песке, достала еду, тарелки, нарезала хлеб, посыпала каждый кусок солью, протянула лямку Дине:

– На, подружка, а то с голоду умрешь. Ты права. Меня мать знаешь как отговаривала от этой поездки? Говорит, что вдвоем опасно отправляться на природу – хоть в лес, хоть на пляж. Я понимаю ее, но ведь невозможно жить в постоянном страхе, что тебя кто-то изнасилует или убьет. Не знаю, рассказывать тебе или нет... – говорила она с набитым ртом.

– По-моему, мы с тобой рановато присмотрели мне свадебное платье, – вдруг сказала Дина, и на ее еще недавно таком спокойном и улыбающемся лице появилось выражение полного отчаяния и боли. А из глаз покатались слезы.

– Дина, да что с тобой?! Вадим? Что он тебе сделал?

– В том-то и дело, что ничего. – Она с трудом проглотила кусок хлеба. – Ты помнишь, недавно я простудилась, была вообще никакая. Лежала, потная, под одеялом, в соплях, слезах, кашляла так, что грудь болела, все мышцы. Понятное дело, красоткой меня назвать тогда было никак нельзя. Ты же сама видела. Так вот. Вадим был у меня всего один раз. Принес яблоки, побыл пять минут, сказал, что у него много работы, и ушел. Он сбежал, понимаешь?!

– Вадим? Вот никогда бы не подумала! Вроде бы положительный, всех поучает... Может, он боялся заразиться?

– Конечно, боялся. Но я-то думала, что, если человек лю-

бит, он не то что пять минут с тобой посидит – он вообще будет постоянно при мне, чай приготовит, горчичники поставит, банки. Родители-то мои как раз в деревню уезжали, ты была на работе. Хотя ты-то и банки мне поставила, и лекарство принесла, если бы не твои антибиотики, не знаю, когда бы я поднялась.

– Я не могла бывать у тебя каждый день, извини.

– Света, да при чем здесь ты?! Замуж-то я собиралась не за тебя, а за Вадима! Вот и думай после этого – стоит ли связывать свою жизнь с таким человеком или нет. Честно говоря, я просто возненавидела его! Одно дело, когда я здорова и в чем-то сомневаюсь, а когда все болит, когда так плохо, что хочется выть, а твоего жениха и след простыл... Сама понимаешь, все кажется во сто крат хуже. Словом, не хочу я выходить за него замуж.

– Ты сказала ему об этом?

– Сказала. – Дина снова принялась вяло жевать хлеб.

– Ох! Послушай, такие новости, а ты такая спокойная. Сидишь, костер разжигает, болтовню мою слушаешь.

– Да, может, я такая спокойная именно поэтому.

– Почему?

– Потому что приняла решение. Все взвесила, представила, как мы с Вадимом жили бы, если бы поженились, и так нехорошо на душе стало, даже как-то страшно.

– Слушаю тебя – и ушам своим не верю! Все же так хорошо было. Он так за тобой красиво ухаживал, подарки дарил,

казался очень надежным.

– Пока я была здорова, – заметила Дина. – А представь себе, что случилось бы, заболел я чем-нибудь серьезным? Да уж лучше одной жить, чем постоянно чувствовать, что ты кому-то в тягость. Мы еще молоды, ведь так? А у меня в голове эта дурацкая простуда и реакция Вадима... Ладно, пойдем искать дрова.

Она поднялась, отряхнула с колен крошки, и Светлане показалось, что Дина стала в эту минуту неуклюжей, тяжелой, неповоротливой, словно драма, которая произошла в ее личной жизни, лишила ее сил и превратила в старуху. И как это раньше она не заметила перемену в настроении и поведении Дины?

– Дина, не смей раскисать! – воскликнула Света. – Ты посмотри, какой ты стала. Возьми себя в руки! Ну! Ты совсем-совсем с ним не видишься?

– Почти, – уклончиво ответила Дина. – Все. Хватит об этом.

Щеки ее покраснели. Дина, почувствовав это, обняла их холодными ладонями.

– А ты-то что хотела рассказать?

– Да так...

– Говори-говори, сменим тему.

– Да мрачноватая тема-то. Просто моя мама, отправляя меня сюда, рассказала жуткую историю, случившуюся с ее подругой, когда та еще училась в школе. Представляешь, они

с родителями отправились, как мы с тобой, на пикник. Только в лес, а не на речку. Папа возился с шашлыком, мама сидела на травке и вязала, слушая щебет птиц, а в это время их дочка с подружкой-одноклассницей отправились прогуляться. Короче, рядом была военная часть. Вот солдаты с ними и развлеклись.

– Господи, ужас какой! И это мама тебе рассказала сегодня, отправляя сюда?

– Говорю же, она была против нашей затеи. Но нельзя постоянно думать о плохом! Если послушать мою маму, так из дома вообще лучше не выходить – кругом полно маньяков.

– Вот и мой отец такой же.

Снова раздался телефонный сигнал, Светлана машинально сунула руку в карман, но, увидев номер на дисплее, захлопнула крышку:

– Вот черт! Только вспомнишь о маньяках, как они тут как тут.

– Ты серьезно? – Дина взглядом показала на телефон. – Может, в милицию обратиться?

– Ничего, сама как-нибудь справлюсь. Все мужики – идиоты, – проговорила Света с явным отвращением. – Дина, тебе не кажется, дорогая, что мы с тобой приехали сюда во все не для того, чтобы вести мрачные разговоры? Конечно, определенный риск в нашей прогулке есть, но у меня в машине лежит монтировка, а в сумке – газовый баллончик.

– Только представь себе: спускается с трассы машина, а в

ней – пара мужиков. Ты успеешь схватить свою монтировку или баллончик?

– Что ты предлагаешь? – раздраженно спросила Светлана. – Забыть о нашем месте и о прогулках? Проводить свободное время в барах и ресторанах или, еще лучше, дома, за книгами, или торчать в Интернете?

– Успокойся. Хорошо, что ты такая храбрая. Но все равно, неплохо было бы подумать о безопасности.

– Это как же?

– К примеру, газовый баллончик должен находиться при тебе, в том же самом кармане, или лежать на пледе, под книгой. И монтировку туда же положи. И не смотри на меня так – это вовсе не смешно. Я слышала массу страшных историй.

– Дина, я понимаю, у тебя сейчас не самый лучший период: тебе плохо, у тебя проблемы. Но, прошу, постарайся сделать так, чтобы это не отразилось на наших отношениях.

– Упаси бог, Света! Просто я сказала то, что думаю.

– Ладно, извини.

Светлана махнула рукой и отправилась к камышам. И вдруг остановилась, напряглась, словно к чему-то прислушиваясь.

– Ты слышишь? – Она быстро оглянулась и посмотрела на Дину.

– Машина. Я слышу, что по дороге едет машина. Но ее пока еще не видно. Здесь время от времени проезжают автомобили из деревни в город.

– Ладно... Напугали меня! Скажи лучше, камыши горят?

– Думаю, да.

Между тем на дороге показалась машина – черная, сверкающая новыми хромированными деталями.

Дина вздрогнула.

– Света, возвращайся сюда, быстро! Машина! Шикарная, дорогая. Она еще не свернула сюда, но мне почему-то страшно.

И тут она услышала крик подруги. Света даже не кричала, а визжала, словно наступила на змею, которая внезапно ужалила ее.

– Света! – Дина бросилась к машине, схватила монтировку и побежала на крик. Она не понимала, что могло вызвать ужасный крик подруги, но сердце ее колотилось так, что она не слышала даже звука собственных шагов. – Света, что случилось?

Она приблизилась к подруге и увидела, что та смотрит куда-то вниз, себе под ноги.

– Мужик... голый... Он мертвый... весь в крови... – Светлана, стуча зубами, обняла Дину и прижалась к ней. – Боже, как страшно!

– Быстро поехали отсюда! Господи, смотри, машина! Она мчится сюда.

2

– Ты варенье взял?

– Да.

– А коробку со скипидаром?

– Взял, взял. Я все взял. Но главное – это ты. Главное, что я увез тебя из этого чудесного загородного дома, оторвал от Фабиолы и твоей мамы. Я все понимаю, здесь – настоящий рай. Но побудь немного и со своим мужем. Поживи в городе. Теперь ты принадлежишь только мне!

– Марк, я серьезно, – Маргарита потрепала Марка по затылку, взъерошила ему волосы. – Честно говоря, я и на самом деле что-то засиделась в деревне. Но там такая красотища! Я написала три натюрморта – один с бордовыми хризантемами, второй – с зимними яблоками в итальянской вазе, помнишь, синей с белым. А третий... Подожди! Ты куда? Марк, куда мы несемся? Ты разобьешь нашу новую машину! Марк!

Машина резко свернула и покатилась по узкой дороге к пляжу. Марк, высунув голову в открытое окно, во что-то всматривался, продолжая лавировать между кочками.

– Рита, неужели ты ничего не слышишь? – наконец бросил он через плечо, продолжая смотреть куда-то вперед. – И не видишь?

– У меня не такое хорошее зрение. Ах да... Вот вижу. Ма-

шина на пляже. Костер, как же, вижу. Послушай, кто-то кричит!

– Ты только сейчас услышала?

Машина приблизилась к самому берегу, к камышам. Марк выскочил, Рита, замерев, припала к стеклу. В отличие от своего мужа, следователя прокуратуры, она если и была храброй, то скорее в мыслях, чем в реальных поступках. Хотя Марк считал, что она отчаянно смела и порой даже безрассудна, и всегда переживал за нее. Особенно когда она активно вмешивалась в его профессиональные дела.

Рита слышала, что Марк с кем-то говорит, кажется, раздавались женские голоса. Знала она, что у мужа есть пистолет и в случае необходимости он воспользуется им. Хотя, быть может, ничего страшного и не произошло?

Она опустила стекло, высунула голову в окно и крикнула:

– Марк, что случилось?

– Ничего, оставайся на месте!

Рита вылезла из машины и сначала подошла к кромке воды, зачерпнула ладонью прохладную в этот утренний час воду, потом осмотрела костер, подложила туда несколько веток, обратила внимание на скудный завтрак отдыхающих – нарезанный черный хлеб. Возле костра стояли котелок с водой и миска с большими кусками сырой розоватой речной костистой рыбы.

Старенький красный «Фольксваген» стоял рядом с ивами. Рита приблизилась к нему и обратила внимание на вя-

тину на капоте и выпачканную чем-то красным, похожим на кровь, правую фару. И только после этого медленно двинулась в сторону камышей, где вскоре увидела двух девушек, которые что-то эмоционально объясняли Марку. Хотя крайне возбужденно вела себя одна из них, высокая холеная блондинка, девчонка лет двадцати; ее спутница, выглядевшая более скромно (какой и должна, по определению, быть подруга красавицы), лишь поддакивала и качала головой.

– Марк, что случилось, скажешь ты мне наконец или нет? – Рита протиснулась между девушками и чуть не наткнулась на распростертое на песке, среди зарослей камыша, голое тело мертвого мужчины. Лицо разбито в кровь, следы обширных гематом на плечах и груди.

– Я же сказал – все отошли к воде, – устало произнес Марк, обращаясь к девушкам. – Разве вы не понимаете, что произошло преступление, здесь полно следов, причем вполне четких. А вы все затоптали. Хотя бы следы протекторов на берегу не испортите! Ну! И никуда не убегайте, я сам вызову милицию, вы должны будете дать показания, ведь это же вы обнаружили труп.

– Отпустите нас, – взмолилась блондинка. – Пожалуйста! У меня будут неприятности дома, если узнают, что мы влипли в такую историю. Убийство... Труп... Это утопленник?

– Света, это не утопленник, – тихо произнесла другая девушка, пониже ростом и поплотнее, но с правильными чертами лица, превосходной кожей и густыми каштановыми во-

лосами. Рита мысленно уже писала ее портрет. – Мужчину долго били. Или – сбили. Словно на него наехала машина. Вон лицо все в крови. Синяки...

Рита заметила, как взглянул на нее Марк: с любопытством, словно оценивая проницательность и ум девушки. Она знала этот его взгляд.

– В самом деле, вы же следователь прокуратуры, – продолжала канючить блондинка. – Отпустите! Вы ведь тоже проезжали мимо, вот и скажете, что сами, первыми увидели труп.

– Не говорите глупости. – Марк уже достал телефон и набирал номер прокуратуры. – Это Садовников. Неподалеку от села Пристанное, почти рядом с нами, есть небольшой пляж. Найден труп молодого мужчины, приблизительно тридцати лет. Нет, это не я его обнаружил.

Блондинка метнула на него презрительный взгляд.

Пока Марк разговаривал по телефону, Рита еще раз обошла «Фольксваген». Точно, это кровь, надо бы Марку показать.

Но он и сам уже стремительным шагом шел к ней.

– Марк, смотри: здесь и вмятина, и кровь. И мужчина весь в крови. Такое впечатление, что эти девицы раздавили парня, а потом решили отдохнуть: уху собирались варить. Я понимаю, конечно, что все это пахнет черным юмором. Но это же кровь на фаре? Совпадение, конечно, но как-то странно все это выглядит со стороны.

Пока ждали приезда представителей милиции и прокура-

туры, девушки оделись, загасили костер, убрали в машину вещи и уселись на поваленном дереве, будучи в крайне угнетенном состоянии духа. Марк на всякий случай записал их фамилии.

– Рысина Светлана Алексеевна, Плетнева Дина Павловна.

– Что тут у вас – пикник? – недоверчиво спросил Марк.

– Пикник, – вяло отозвалась Светлана Рысина. – Хотели отдохнуть, сварить уху на костре.

– И когда же вы успели наловить таких жирных лещей? – Марк кивнул на остывающий на песке котелок с несваренной рыбой. – Или это карпы?

– И то и другое, – огрызнулась Рысина. – На базаре купили. Вчера вечером.

– Странные вы, девушки, – вдруг встряла в разговор Рита. – И не страшно вам тут одним, без мужчин? Мало ли кто проедет мимо на машине? Или вы кого-то поджидали?

– Нет, никого мы не поджидали, – спокойно ответила Дина Плетнева. – Просто это наше место. Мы давно уже сюда ездим, и всегда все было спокойно. На самом деле мы хотели просто отдохнуть, сварить уху, позагорать, поспать, наконец, на свежем воздухе. И это просто ужас какой-то – труп в камышах!

– Говорила мне мама: сиди дома, – сказала, тупо уставившись взглядом в песок, Светлана. – Словно чувствовала!

– А что с вашей машиной? – спросил Марк. – Откуда вмятина?

– Какая еще вмятина? – удивилась Светлана, поднялась и прошла к машине. – Дин, смотри! И правда вмятина. Но я ни во что не врезалась. А это что? Дина, глянь!

Рита с Марком наблюдали, как девушки рассматривают кровь на фаре. По их виду, удивленным лицам и возгласам получалось, что они видели вмятину и кровь впервые.

– Вы когда сюда приехали? – спросил Марк.

– Недавно, часов в девять.

– Утра?

– Конечно, утра!

– Никого не застали?

– Нет.

– А костер? – спросила Рита. – Он был погашен или, быть может, оставались теплые угли, с ночи, к примеру?

– Да нет, здесь никого не было, никакой костер не горел, – ответила сдержанно Дина. – Мы еще обрадовались, что мы первые и вокруг – ни души. Разве мы могли предположить, что в камышах – труп?

– И что теперь будет? – спросила Рысина. – Нас повезут в милицию, чтобы расспросить, как и при каких обстоятельствах мы его нашли?

– Пока еще не знаю, – ответил Марк.

Рита отвела мужа в сторону.

– Марк, в кои-то веки мы собрались провести выходные вдвоем: вырвались, называется! У тебя нюх на трупы? Ты что-то почувствовал? Черт тебя дернул сюда свернуть!

– Я просто услышал крик. Подумал сначала – показалось, но потом еще раз крикнули. Увидел машину, дым от костра, а людей нет. Вот и побежал в камыши. Странная история, согласись? Эта кровь на машине. Вмятина. Словно след. Хотя, я уверен: эти девчонки ни при чем.

И машину они свою помяли где-то в другом месте.

– И долго мы здесь пробудем?

– Думаю, нет. Это же не мой район, ты понимаешь. Но я должен рассказать все, что знаю.

– Да ты же ничего не знаешь.

– А вдруг они специально забрались в кусты и заорали, увидев нашу машину? Им понадобились свидетели обнаружения трупа.

– Марк, что ты говоришь?! Да если бы они были причастны к этому убийству, они уже давно бы сделали ноги. Я хоть и не эксперт, но видно же: мужчину убили не только что, прошло какое-то время. Хотя, может, я и ошибаюсь, а не уехали они потому, что у них сломана машина? Господи, Марк, поехали домой! Хватит этих убийств и трупов. Так хочется приготовить тебе что-нибудь вкусное, побыть с тобой.

– Подожди.

Марк подошел к девушкам:

– Чей «Фольксваген»?

– Ну мой, я же говорила, – ответила Светлана. – А что? Я не знаю, откуда на машине эта вмятина и... кровь. Чертовщина какая-то!

– Машина исправна?

– Да, конечно, мы же на ней и приехали.

– Вы не могли бы сесть за руль и проехать несколько метров?

– Да легко!

И Светлана, не в силах скрыть раздражения, села в машину, завела мотор и резко рванула вперед, чуть не сбив стоявшую поблизости Риту.

– Полегче! Вы что, девушка?! – Романтичное настроение Риты моментально улетучилось. – Может, вы и этого парня так же сгоряча сбили, по пьяной лавочке, а потом запомнили?

– Извините, – буркнула Светлана. – Это случайно вышло.

Марк обошел машину, присел, рассматривая следы протекторов на песке. Потом резко встал и направился в камыши.

На пригорке появилась милицейская машина, за ней – прокурорская «Волга».

3

– Почему она не отвечает на звонки? Не знает, что мы волнуемся? Я вообще не понимаю, зачем ты отпустила ее туда?!

– Почему это я? Ты сам разве не знал, куда они едут? Как будто в первый раз!

– А вдруг с машиной что-то произошло? Или на пляже этом их... встретили? Кругом полно маньяков, идиотов, отморозков!

Павел Николаевич Плетнев места себе не находил, переживая долгое отсутствие дочери Дины. Был уже вечер. Дина не звонила, на их вызовы не отвечала, а спустя некоторое время голос автоответчика и вовсе сообщил, что абонент выключил телефон.

– Паша, я понимаю: ты переживаешь. Думаешь, мне самой легче? Ты всегда ищешь виноватых.

– Ладно, не придирайся к словам, лучше скажи – что нам делать?

Павел Николаевич, высокий худой мужчина лет шестидесяти, нервно пощелкивал подтяжками, потирал большим пальцем правой руки гладко выбритые щеки, морщил нос и при этом постоянно смотрел в окно, словно Дина могла появиться исключительно на подоконнике: опуститься, покачивая крыльями, на ветку дерева и постучаться в стекло – мол, а вот и я.

Он был очень привязан к дочери и, будь его воля, вообще никуда не отпускал бы ее от себя. Дина была поздним ребенком, долгожданным, любимым и единственным. Он стал отцом Дины в сорок лет, поздно, в отличие от своей молодой жены – Ирины, которой неделю назад исполнился всего сорок один год. Красивая, яркая, невысокая, полненькая, энергичная, общительная. Он бы и ее запер, если бы мог. И хотя жена его нередко раздражала именно своей активностью и общительностью, он все равно любил ее, постоянно держал в поле своего зрения и, даже находясь на работе, звонил ей и проверял, где она в данный момент находится. И не то что не доверял – просто ему было важно знать, где она, с кем, и даже чем она занимается и о чем говорит. Он считал жену своей собственностью в самом хорошем, по его мнению, значении этого слова. Это выражалось во всем. Он с удовольствием готовил и кормил жену, мыл за нее посуду, ходил вместо нее по магазинам; одежду покупал для нее тоже он, водил ее по театрам, не выпуская из руки ее теплый локоть или мягкую ладошку, и готов был целовать при каждом удобном случае. Если жена задерживалась на работе, он места себе не находил, переживал, часто звонил, говорил, что ждет ее, соскучился. Он знал, что Ирина тоже любит его, как догадывался и о том, что своей любовью и чрезмерной заботой он уже порядком поднадоел ей, но и изменить что-либо в своей манере поведения по отношению к ней уже не мог – это было выше его сил. Дина, в отличие от матери, снисходительно позво-

лявшей мужу болезненно опекать ее, сумела вытребовать себе определенный процент свободы, чем и пользовалась при каждом удобном случае. Как и в этот раз. Пикник с подружкой А что, если, помимо подружки имеется еще и пара приятелей? Или, напротив, они отправились на Волгу одни и к ним там пристали? Страшно было представить, что может произойти с дочерью в этом диком, безлюдном месте. Дина – послушная дочь, она отлично понимает, каких нервов стоит родителям отключенный телефон и ее нежелание, чтобы до нее дозвонились. К тому же она прекрасно знает своего отца – совершенно безумного в своей любви к ней, нежного, заботливого и вечно переживающего за каждый ее шаг.

– Ну почему она отключила телефон? – теперь уже вздохнула Ирина. – Знаешь, если сначала я подумала о том, что она на самом деле отправилась на этот пляж с каким-нибудь мальчиком и ей просто не до нас, хочется побыть с ним – понимаешь? – то теперь и я начинаю думать: случилось что-то нехорошее. Ну не могла она так поступить с нами, мы не так ее воспитывали! Паша, мне страшно!

Павел Николаевич присел к жене на диван и обнял ее.

– Ира, а ты не знаешь домашнего телефона этой... Рысиной?

– Знаю. Он у нас в телефонной книжке записан. Позвоним?

– Да. Поговори с ней как женщина с женщиной. Если это сделаю я – просто наору на нее, и она бросит трубку.

– Это точно!

Ирина легко поднялась и отправилась в переднюю. Павел Николаевич последовал за нею.

Встал, опершись о дверной косяк, скрестив руки на груди, и обратился в слух.

– Это квартира Рысиных? – мягко, вежливо поинтересовалась Ирина. – Валентина? Добрый вечер. Это Ирина Плетнева вас беспокоит. Скажите, Светлана дома? Как, тоже нет? Понятно... Вернее, ничего не понятно. Мы с мужем просто не знаем, что и думать. Уже девятый час, а Дины нет! Куда они отправились? К «Трем дубам»? Понимаете, нам с мужем это ни о чем не говорит. Где это место? Может, взять такси и тоже туда отправиться? Пристанное? Паша, запомнил? Пристанное! Да, я представляю себе, где это. Послушайте, Валентина, может, поедем туда вместе? Мы бы захватили вас или вы, наоборот, – нас... Нужно же что-то решать! Как-то действовать. Вы только представьте себе, что с ними, двумя девочками, могло произойти на безлюдном пляже! Им хоть и по двадцать лет, но ведут они себя порой как совершенные дурочки. Вбили себе в голову, что они ничего не боятся, мол, невозможно всю жизнь ото всех прятаться, а мужчины – скоты, которых надо отстреливать. Вы тоже такое слышали? Это новое поветрие у молодежи или только наши девочки с ума сходят? Ой, вы уж извините, что я так резко разговариваю, но мы просто места себе не находим. Так что решим? Как вы думаете, стоит еще подождать или все же лучше по-

ехать, попытаться их поискать? – Павел Николаевич делал энергичные жесты: мол, надо ехать! – Муж мой уверен, что надо их найти. Да, я не спросила вас о главном: Светланин телефон включен? Вы говорили с ней? А... Понятно... Да что это я?! Конечно, если бы вы дозвонились до нее, то сразу бы мне все сказали: где они и что с ними. Поймите, без вас мы не найдем это место. Вы думаете? Хорошо, давайте договоримся так. Ждем еще час. Если они не позвонят и не включают телефоны, тогда поедем. Ждите нашего звонка, хорошо?

Она опустила трубку с тяжелым сердцем: ничего не узнала. Все плохо, Валентина и сама нервничает.

– Паша, подождем еще час. Она сказала, что у Светы есть газовый баллончик, она умеет им пользоваться. На нее как-то вечером напал один идиот, и она брызнула ему в лицо.

– И тебя это утешило? Ира! Думаю, ты была с этой Валентиной слишком уж вежлива. Не заслуживает она этого! И вообще... Инициатива проведения этого пикника принадлежит Светлане! И машина – ее. И вообще, они с матерью ведут такой образ жизни...

– Какой? Что ты о них знаешь, Паша?

– Какой-какой, – передразнил ее муж. – Она не замужем! Вот какой! А как может себя вести незамужняя женщина?

– И как же?

– Ира, хватит! словно ты не понимаешь, что я имею в виду?! Мужчины в доме нет, женщина ищет себе партнера,

приводит в дом кого ни попадая...

– Почему ты так плохо думаешь об одиноких женщинах, Паша? Ты судишь о них по себе? Это мужчина долгое время не может обходиться без женщины, а вот женщина спокойно живет без мужчины годы и даже десятилетия.

– Скажи еще: века! Я знаю, о чем говорю. Ну не внушают мне доверия одинокие бабы.

– А почему ты так завелся? Ты вообще-то видел ее?

– Кого?

– Валентину.

– Так... Мельком. Да ты же помнишь! Она как-то приходила к нам. Обыкновенная женщина. Баба.

– Неправда! Выглядела она прекрасно. Молодая, стройная, следит за собой. Да ей и не дашь ее возраст.

– Я ничего такого не заметил. И вообще, для меня существует только одна женщина.

Он привлек ее к себе, обнял.

– Только бы она вернулась, только бы вернулась. – Он зарылся лицом в волосы жены. – Знаешь, в такие минуты начинаешь понимать: как я был счастлив еще утром, когда вы все были со мной. И как, в сущности, мало надо мужчине для счастья...

– Ладно, Паша, постарайся взять себя в руки. Думаю, найдется наша Дина.

От телефонного звонка оба вздрогнули, словно были цельным организмом. Павел Николаевич стиснул пальцами

плечо жены так, что она вскрикнула от боли.

– Ну же, бери трубку! – Ирина встала и показала мужу на дверь в прихожую. – Не пугай меня!

Он медленно, словно заранее зная, что звонок будет тяжелый и сейчас он узнает, что с дочерью стряслась беда или – а это вовсе невозможно – ее уже нет в живых, побрел в переднюю. Взял трубку, поднес к уху, но, услышав голос Дины, даже застонал, чувствуя невыносимое облегчение: жива!

– Пап, меня задержали в милиции. Это недоразумение, скоро все прояснится, но сейчас мне нужен адвокат, срочно, слышишь? Найдите с мамой самого хорошего адвоката!

Рита сделала глубокие надрезы в большом куске свинины и поглубже затолкала зубчики чеснока. Минутку подумав, добавила к ним узкие полоски моркови. Густо посолила, поперчила мясо, обернула фольгой и сунула в духовку. Это для Марка. И салат из сельдерея тоже для него. И яйца фаршированные – для него, любимого. Вот только где он сейчас? В прокуратуре? На месте очередного преступления? В морге? И когда же он освободится, вернется домой, чтобы нормально поесть, побыть с женой, поговорить?

Фабиоле, их дочке, скоро исполнится год, и она почти всю свою маленькую и тихую, как сон, жизнь провела в Пристанном. С помощью деятельной и практичной Ксении Илларионовны, матери Риты, в доме появилось паровое отопление, было закончено оформление большого, с английским экраном, камина, построена теплица, где, правда, росли пока что петрушка с укропом и немного огурцов – эксперимент Ксении Илларионовны. В кухне появилось много новых кастрюль и сковородок, спальня облагородилась широкой кроватью и купленным в антикварном магазине туалетным столиком на кривых ножках (Рита так и не определила, к какому стилю отнести покупку). Приобрели жилой вид остальные комнаты и детская, а огромную гостиную украсил большой персидский ковер. Словом, жить теперь можно в

Пристанном хоть круглый год. Когда Рита поняла это, было уже поздно: Марк прочно обосновался в городской квартире. Пока Рита с матерью занимались благоустройством загородного дома, Марк как-то отстранился от семьи, ушел в работу, и Рита, привязанная к маленькой дочери, к своей новой мастерской и новым работам, все реже и реже выбиралась к мужу. Она подозревала, что он питается одним кофе с бутербродами, в квартире скопилось много пыли, и в городской мастерской, расположенной на нижнем этаже двухэтажной квартиры, тоже давно никто не убирал. Нанимать женщину, которая присматривала бы за городским хозяйством, она не рискнула: в мастерской имелось много ее работ, стоимость которых могла бы вызвать у постороннего человека желание совершить тихое подлое преступление.

Однако когда Марк привез ее в город, Рита обнаружила, что в квартире не так уж все и плохо. Полы вымыты, вероятно, бедный Марк готовился к встрече жены, и пыль вытерта. Разве что в вазах замумифицировались некогда роскошные букеты цветов, в холодильнике засохли и испортились продукты, да и состояние ванной комнаты требовало принятия незамедлительных мер. Не считая переполненной корзины с грязным бельем.

Теперь, когда уборка была закончена и в окна ворвался свежий воздух, стиральная машинка уютно и монотонно работала, а в духовке запекалось мясо, можно было немного расслабиться и даже поспать.

Телефонный звонок привел ее в чувство. Она так и не поняла, удалось ей уснуть или нет. Ее мысли о Марке постоянно словно перетекали из снов в реальность и обратно. Она взяла трубку и, услышав голос своей подруги Миры, улыбнулась. Вот уж действительно кого бы она хотела сейчас увидеть, так это Миру.

– Да, Мирочка, ты очень кстати, – не дала Рита ей сказать и пары слов. – Ничего не хочу слышать! Приезжай, и сама все расскажешь. Соскучилась я ужасно!

– Ладно, занятая художница, приеду. Тем более я знала, что ты в городе: твой Марк позвонил Диме и сказал, что ты здесь. Я тоже соскучилась, но у меня к тебе, помимо этого, есть довольно интересное предложение. Думаю, нам есть о чем поговорить.

– Мира, я жду. – Рита отключила телефон.

К приезду подруги она успела только заварить чай – Мира приехала буквально через полчаса.

Румянец заливал ее щеки, глаза блестели, она была так хороша в эту минуту, что Рита залюбовалась ею.

– Мирочка, как я рада тебя видеть! Проходи.

Подруги обнялись.

– И тебе, Рита, свежий волжский воздух пошел на пользу. Ты вся просто светишься! Как Фабиола?

– Здорова. Это самое главное. А твоя Дашуня как?

– Слава богу.

– Ты с кем ее оставила?

– С мамой.

– Вот и я свою – с мамой.

За столом Мира рассказала Рите о том, что, по ее мнению, было крайне важным и интересным для подруги.

– Приятель Димы, один очень приятный во всех отношениях человек, – начала Мира, – состоятельный, между прочим...

– Вообще-то я замужем, – улыбнулась Рита. – Если ты помнишь, конечно!

– Да, кстати, хотела тебе сказать. Разве можно надолго оставлять без присмотра такого мужчину, как твой Марк? Мало того, что ему требуются уход и женская ласка, вокруг него вьется огромное количество женщин.

– Мира, что за намеки? Я доверяю Марку.

– Я понимаю. Но все равно мне жаль его. Дима рассказывал, как видел его в кафе – он пил кофе с рогаликом. И это при том, что он женат на тебе – женщине, которая прекрасно готовит. Прошу тебя, не оставляй его одного.

– Так что ты хотела рассказать об этом мужчине?

– Он уже пожилой но, несмотря на возраст, решил жениться. Мы с Димой его не осуждаем. Напротив, приветствуем его решение. Я видела эту женщину, она значительно моложе его, но очень привлекательна, мила.

– Мира, кажется, я начинаю понимать, к чему ты клонишь.

– Да, Рита, в качестве свадебного подарка он хочет зака-

зать тебе ее портрет.

– Нет, нет и еще раз – нет! – категорично отказала Рита. – Я не пишу портреты невест миллионеров. И даже миллиардеров. Если ты меня хотя бы немного знаешь, то должна помнить, что я предпочитаю натюрморты. Груши, к примеру. Пожалуйста, не смотри на меня как на сумасшедшую. Понимаю: он заплатит хорошие деньги, но я и так, надо сказать, не бедная. Вот если... – Тут Рита улыбнулась, состроила уморительную мину: – Вот если бы ее лицо было похоже на грушу.

И подруги расхохотались. Напряжение, вызванное резким отказом Риты, исчезло.

– Ну правда! Это такая тоска. К тому же – вдруг не получится сходства? Ты же знаешь, портреты – это не самое сильное место в моем творчестве. К тому же мне придется часами вести долгие разговоры с этой скучнейшей особой, наверняка корыстной. Я всегда с подозрением относилась к подобным бракам.

– А если бы ты сама решила выйти замуж за очень богатого и в то же самое время порядочного человека?

– Говорю же – у меня есть Марк. А деньги я умею зарабатывать.

– Значит, ты отказываешься.

– Да. И не обижайся.

– Да что мне-то обижаться? Это же не мой портрет. И все равно, Рита, ты все умеешь, у тебя – талант! Неужели ты лег-

ко можешь позволить себе отказаться от таких денег? Говорю же – он не поскупится. Положишь денежки в банк, для Фабиолы.

– Хорошо, я подумаю, – смягчилась Рита. – Но ведь если человек платит большие деньги, он и свои условия диктует. Эта особа попросит меня написать ее без морщин, складок, прыщей, обвислых щек.

– Об этом можешь не переживать, эта дама тщательно следит за собой и выглядит в высшей степени превосходно, несмотря на свой возраст. Хотя не думаю, что ей больше сорока.

– Понятно. Ладно, я подумаю. Мира, теперь-то можно поговорить о нас с тобой? О наших детях, мужьях или просто попить чаю с печеньем?

– Знаешь, Рита, сию я у тебя, и мне до сих пор не верится, что я здесь. Ты на самом деле что-то засиделась в своей деревне.

– Это рай, не забыла? – Рита принялась разливать чай по чашкам.

– Нет, не забыла. Думаю, мы тоже когда-нибудь переберемся к вам поближе. Но тогда, боюсь, и наш папа забудет о нас и большую часть времени будет проводить в городе. У нас же деловые мужчины. А чем это так вкусно пахнет?

– Представляешь, готовлю Марку разные вкусности, но не уверена, что он все это попробует. Он на работе. И утром, и в обед, и вечером, и даже ночью. А пахнет так вкусно бу-

жениной.

– А я сегодня утром приготовила на обед Диме уху из лещей. Почему ты на меня так странно смотришь?

– Из лещей, говоришь?

– Ну да.

– Скажи, Мира, ты когда-нибудь находила... труп? Вот так шла-шла – и наткнулась на труп?

Рита спросила и тотчас пожалела: чуть больше года тому назад Мира обнаружила на своем брачном ложе труп незнакомого мужчины и чуть с ума не сошла.

– Мира, спокойно. Извини, я, глупая женщина, все забыла. Я совсем не о том! Ты простила меня?

Мира и не знала даже, как реагировать. То ли заплакать, вспоминая свою удивительную, полную ужаса и сомнений брачную ночь (шутка ли – труп голого мужчины на постели?), то ли засмеяться. Они расхохотались – настолько вопрос Риты нелепо прозвучал.

– Я хотела сказать, что не каждый человек в своей жизни вообще видел труп. Я имею в виду – криминальный труп. А Марк словно чувствует их. Сегодня, к примеру, утром он вез меня из Пристанного в город. Проезжали мы мимо одного полудикого пляжа, очень красивое место, надо сказать. И представляешь: вдруг Марк резко сворачивает вниз, к воде, к пляжу, где в камышах орут как резанные две девицы. Они, оказывается, обнаружили в камышах труп мужчины! Приехали, по их словам, на природу – отдохнуть, сварить уху. Теперь по-

нимаешь, почему я вспомнила об этой утренней истории?

– Уха. Понятно, – кивнула Мира.

– Они искали хворост для костра, забрели в камыши и наткнулись на голого мужика. Мертвого, разумеется. Подняли крик, а тут – мы мимо проезжаем. Видишь, как все совпало?

– Так, может, они нарочно так заорали, чтобы привлечь ваше внимание?

– Сначала я тоже так подумала, но потом решила – нет. Все было не так. Две девицы, обеим лет по двадцать. Вряд ли они стали бы привлекать внимание пассажиров машины такого класса, как наша. Понятно ведь, что в ней могли быть мужчины. Во всяком случае, если они не законченные дуры, орать бы не стали. Разве что знали, чья это машина.

– Логично. И что? Они наверняка попросили вас отпустить их, когда узнали, кто такой Марк. Чтобы представить дело таким образом, якобы это вы нашли труп, так?

– Точно. Я удивляюсь тебе, Мира!

– Не стоит. Просто я сама бы так поступила. Вам-то что с Марком, с вас как с гуся вода. А их теперь затаскают по следователям, будут снимать свидетельские показания.

– Если бы только это! Эти две девушки будут проходить по делу об убийстве как главные подозреваемые.

– Как это? Ничего не понимаю.

– Это – главная интрига, Мира! Потрясающе интересно! Дело в том, что девушки прибыли на пляж на машине, стареньком «Фольксвагене», принадлежащем одной из них. И

на машине – вмятина и кровь. Да! Надо сказать, что мужчина был, скорее всего, сбит машиной. Другими словами, на него, голого, наехали, загнали в камыши и придавили. У него повреждены лицо, плечи. И что самое важное – этой же машиной!

Мира удивленно присвистнула и отодвинула чашку.

– И экспертиза показала, что на машине – кровь этого мужчины?

– Так мне Марк сказал.

– Ему поручили вести это дело?

– Нет. Это не его район. Но всей информацией он владеет. К тому же он знает, что я умираю от любопытства. Это же я первая обнаружила на капоте кровь!

– Девчонок задержали?

– Конечно. Сразу же. Теперь они, я думаю, в камере предварительного заключения. Вот тебе и уха из лещей!

– Какая странная история! У тебя есть мысли по этому поводу?

– Есть. Машиной Рысиной (это фамилия девушки, которой принадлежит «Фольксваген») кто-то воспользовался. То есть кто-то до того, как они отправились на Волгу, сел в ее машину, возможно, с этим парнем. Привез его на пляж, убил, а потом вернул машину, заранее зная о планах девушек и таким образом подставляя их. Другая версия. Девушки сами его убили, вернее, одна из них, а вторая ничего не знала, но и от поездки на пляж отказаться не могла. Это бо-

лее сложный вариант, но тоже возможный.

– Вмятину могли сделать специально, каким-нибудь хитрым образом, и перепачкать машину кровью этого мужчины. Это тоже подстава, – предположила Мира.

– И так могло быть. Но интуиция подсказывает мне: девочки не знали, что машина помечена таким страшным образом, иначе они хотя бы смыли кровь! Ведь все так явно...

– Рита, ну и историю ты мне рассказала! А кто такой этот убитый?

– Марк говорит, фамилия его – Сажин. Вот смотри, я записала в книге рецептов. Сажин Александр Георгиевич. Тридцать один год.

– Его кто-то опознал?

– Да, забыла тебе сказать: неподалеку от того места, где обнаружили труп, нашли одежду убитого. Там были и документы. Он совсем недавно развелся с женой. Марк узнал из своих источников, что этот Сажин был младше своей благоверной лет на пятнадцать, если не больше. Она сегодня должна появиться в морге, чтобы опознать своего бывшего мужа. Думаю, она что-то расскажет о нем.

– Хуже было бы, не окажись при нем одежды и документов. И все равно, Рита, как могло случиться, что задержали девушек, приехавших на место убийства на машине, испачканной кровью убитого? Да их явно кто-то подставил, неужели не понятно?

– В жизни чего только не бывает, – задумчиво произнесла

Рита. – А тебе не успело прийти в голову, что этот Сажин мог быть любовником одной из девчонок?

– Не знаю. Возраст-то у них как раз такой...

– Какой – такой?

– Когда все чувства обострены.

– Вот и я о том же. Слушай, мы разговариваем таким образом о наших детях? Мира, похоже, мы тоже заражены криминальным вирусом!

– Но не все же о манной каше думать, – улыбнулась Мира и ободряюще взглянула на подругу: – Если что – можешь всегда рассчитывать на мою помощь.

Она еще никогда в жизни так быстро не говорила. В какие-то доли секунды она сумела выложить главное, что ей позволили сообщить родителям, предоставив телефон. Она сказала коротко: ее задержали, она ни в чем не виновата, произошло недоразумение, но ей срочно требуется хороший адвокат. И хотя она отлично понимала, что она ни в чем не виновата на самом деле, на машине оказалась кровь убитого мужчины, следовательно, ей придется каким-то образом защищаться. Но, не зная законов и не разбираясь в процессуальных условностях, она может навредить себе лишь одним неправильным словом, ошибочным ответом, своей доверчивостью и отсутствием жизненного опыта. Она знала, что отец, услышав просьбу о помощи, сделает все возможное и невозможное, чтобы найти адвоката. Деньги у него есть, он не глупый и очень осторожный человек. У таких, как правило, всегда кое-что отложено на черный день.

В камеру предварительного заключения ее посадили одну, без Светланы. И она, окруженная незнакомыми людьми и напуганная до смерти, еще не поняла, хорошо ли, что их разъединили с подругой. Возможно, те, кто заподозрил их в убийстве Александра Георгиевича Сажина (именно так, оказывается, звали человека, труп которого они нашли в камышах), не желали, чтобы подруги имели возможность догово-

ряться о даче схожих показаний. Вероятно, их целью было выведать у Дины и Светланы информацию, касающуюся Сажина, по отдельности. Это Дина понимала. С другой стороны, не видя Светланы, Дина могла спокойно обо всем подумать, не слушая воплей и нервных криков подружки. Она-то сама уже привыкла к Свете и старалась не обращать внимания на ее грубость, понимая, что это всего лишь защитная реакция экзальтированной и в то же самое время очень ранимой и еще не до конца сформировавшейся девушки. Что же касается работников прокуратуры, поведение Светланы могло быть воспринято ими как желание поскандальить, привлечь к себе внимание, что в данной ситуации было огромной глупостью. Конечно, Дине хотелось увидеться с ней, поговорить, тем более было о чем. Главный вопрос не давал покоя, как думала Дина, им обоим: откуда на капоте Светланиной машины вмятина и, самое важное, – кровь на фаре? Причем именно кровь Сажина? А если бы они не разжигали костер и не отправились бы за сухим камышом? Хотелось отчетливо вспомнить каждую минуту времени, проведенного ими на берегу. Сухой камыш! Это ли не бред? Откуда в зарослях живого, сырого, растущего в воде камыша возьмутся сухие стебли? И кто первый подал эту идею? Сейчас вспомнить это было невозможно, поскольку тогда все это казалось ничтожным, не имеющим никакого значения. Они испугались показавшейся на горизонте машины. Сами себя напугали дурацкими разговорами о возможном изнасиловании,

о том, насколько они, как и все женщины вообще, уязвимы, беззащитны, слабы. И не этими ли поездками они хотели доказать сами себе, что не боятся мужчин и им тоже позволено многое? Глупость, какая глупость! И далось им это доказательство своей состоятельности и силы! Дурь. Блажь. Попытка избавиться от никому не интересных комплексов. Или же это желание бросить вызов мужчинам, причинившим им боль? Но разве кто-то знал (кроме родителей, разумеется) об этих странноватых поездках? И разве тот же самый Вадим оценил бы их смелость? Да он просто не обратил бы внимания. Или же, узнав причину, расхохотался бы ей в лицо. И все же: не приятнее ли проводить время на природе в обществе мужчин? Ведь если бы она не поссорилась с Вадимом (хотя ссора у нее вышла какая-то ненатуральная, во время серьезного разговора она повела себя как самая настоящая идиотка!), то, скорее всего, они в эти выходные выбрались бы куда-нибудь вместе с ним. Да и Светлана тоже отправилась бы куда-нибудь со своим бойфрендом. Она никогда не была монашкой, умела вести себя с мужчинами.

Что же произошло на самом деле? Как могло случиться, что их со Светланой задержали, в то время как настоящий преступник находится на свободе? Вот уж он теперь потешается над ними, радуется своей победе! Смеется над тем, как ловко смог одурачить милицию!

Телефон отобрали сразу же после того, как ей удалось переговорить с отцом. И что теперь будет с ней? Когда у нее

появится возможность встретиться с адвокатом и рассказать ему всю правду? И всю ли правду стоит ему рассказывать?

Она смотрела на сидевших в камере женщин (они жили своей жизнью, переговаривались, курили, играли в карты, спорили, ругались, одна даже выдала другой за украденный кусок мыла пару тумаков), и ей казалось, что все это происходит не с ней, весь этот тюремный ужас, кошмар – просто кинофильм, который она видит на экране телевизора. И только вонь в камере была натуральной и вызывала тошноту.

Так что же рассказать адвокату? Главное, не проговориться, вести себя так, словно ничего и не было. Ведь можно же не думать о том, о чем не хочется? Можно. Главное – хорошенько захотеть. А она хочет. И не желает в тюрьму! Она не знакома с Сажиним, она не сидела в машине в тот момент, когда машина загнала его в камыши. Вот. Она ничего не знает. Ничего!

6

Адвокат, Грушин Михаил Львович, сидел в кабинете следователя прокуратуры Виноградова и задавал ему вопросы, касающиеся нового дела об убийстве Сажина. Прозвучавшее в рассказе Виноградова знакомое имя несколько оживило его, настроило на самый оптимистический лад. Марк! Вот, значит, как. Оказался в нужное время в нужном месте. Точнее – в ненужное время и в ненужном месте. Вез свою красавицу жену Риту из Пристанного в Саратов, услышал крики, доносившиеся с пляжа, свернул с дороги и увидел в камышах двух девиц в обществе трупа. Ничего себе утро началось! Грушин понимал, что следователь не знает абсолютно ничего, но решил до конца выполнить свою миссию и продолжал уже практически формально беседовать с ним, пока не понял, что сыт этой скучнейшей беседой по горло. Даже кофе ему Виноградов не предложил! Он ненавидит адвокатов, зачастую сводящих «на нет» следовательскую работу. И это написано на его лице – непроницаемом и одновременно тоскливом. Другое дело – Марк Садовников. Душка! С ним приятно иметь любое дело. Он азартен, его интересует только истина. К тому же он прекрасно ладит с людьми, умен, уверен в себе, а это дорогого стоит. Да и кофе в его кабинете всегда хороший, Рита сама покупает.

Михаил Львович вдруг представил себе, как он приходит

к Марку домой и как Рита угощает его чем-то вкусным, щебечет, улыбается, и вся холостяцкая жизнь Грушина наполняется новыми красками, и ему хочется жить, хочется снова начать встречаться с Варей, проводить с ней вечера, позволять ей ухаживать за ним, готовить и даже говорить о своих чувствах. Но у Вари отвратительный характер. С ней так тяжело, просто невыносимо!

– Хорошо. Спасибо, Николай Петрович, за помощь. Надеюсь, что завтра вы позволите мне с утра навестить мою подопечную?

– Приходите, – холодно ответил Виноградов.

Грушин позвонил Марку из машины:

– Марк, это Грушин. Помнишь такого? Послушай, у меня к тебе разговор. Я понимаю, уже вечер, знаю, что Рита вернулась в город и вам не до меня, но тут такое дело... Прошу тебя, удели мне хотя бы полчаса. Я по поводу того происшествия. Не знаю, как это и назвать. Речь идет о вашей утренней прогулке по берегу Волги. Труп в камышах. Вот-вот! Да, меня попросил один давний знакомый за своего приятеля. Плетнева Дина – тебе это имя о чем-нибудь говорит? Да-да, я буду защищать ее. Понимаю, все это чушь собачья, но раз уж попросили, надо работать. К тому же адвоката ноги кормят. Так я к вам подъеду? Спасибо.

Дверь открыл Марк. Вид уставший, но глаза сияют. Сразу видно, что он рад встрече. Хотя, быть может, он так светится от радости вовсе не по поводу прихода незваного гостя.

В дверях появилась Рита. В длинной мятой медного цвета юбке, мятой блузке.

– Заходи, Миша. Вот полюбуйся, что продают в наших магазинах! И все это мятое хозяйство стоит две тысячи у.е.! Скажи, зачем эту красивую перламутровую ткань мнут?

У него от сердца отлегло. Рита узнала его и обратилась по-свойски – Миша. Значит, его накормят ужином.

– А ты зачем покупала? Надеялась отгладить?

– Представляешь – надеялась! – расхохоталась она.

Рита – такая красивая, просто восхитительная, кудри словно из чистого золота, кожа розовая, свежая, как у ребенка. Она же в прошлом году родила и сама переродилась. А вот у Грушина детей нет и, наверное, уже не будет. Какая мать из Вари? Вспыльчивая, нервная, обидчивая, не умеющая прощать, может не разговаривать неделями. Хотя... Может, ей тоже следует родить, тогда она изменится?

– На самом деле в этом магазине у меня работает знакомая – она разрешила это примерить и показать Марку. Но ему не понравилось. И мне, честно говоря, тоже. Ну же, проходи, что стоишь? Марк мне сказал, что ты будешь защищать Дину Плетневу. Вот только интересно – от кого?

На ужин подали буженину, какие-то немислимые салаты, пирог с капустой и печенье с сушеной черешней.

– Марк, когда я бываю у вас, мне потом всегда хочется жениться. Но где взять такую жену, как твоя Рита?

– Посмотри по соседству, ведь Рита – моя бывшая сосед-

ка, – улыбнулся Марк. – Так что ты хочешь от меня услышать?

– Марк, неужели ты не понимаешь? – Рита тронула его за руку. – Миша хочет узнать во всех подробностях, что там произошло, чтобы понять, может ли его подзащитная быть виновной или нет. Давай-ка я сама расскажу тебе, Миша, как было дело.

И она, дав возможность Марку спокойно поесть, рассказала Грушину обо всем, что увидела в то утро, и даже прокомментировала это происшествие.

– Как видишь, дело странное, непонятное. Если бы они не кричали и мы оказались бы на этом берегу случайно, скажем, спустились к пляжу, чтобы искупаться или набрать воды... Да мало ли! Так вот, окажись мы там случайно и заметили этих девиц в камышах, а рядом – труп, тогда можно было бы легко предположить, что они имеют к убийству Сажина самое непосредственное отношение. Это стало бы одной из версий. А так... Зачем они, спрашивается, так орали, если были виновны?

– Значит, они не виноваты, – пожал плечами Грушин, промокая губы салфеткой. – Буженина превосходна! Рита, сказать, что я, грубо говоря, напросился к вам на ужин, – это чистейшая правда.

– Миша, не отвлекайся. Скажи лучше, как ты будешь защищать Плетневу? Есть какие-нибудь соображения?

– Начнем с того, что машина не ее.

– Тоже правильно. Но этого мало.

– Марк, насколько я понял, Сажин был убит машиной?

Попросту – сбит.

– Да, странная смерть, как и сам случай в целом. Эксперт сказал, что характер гематом и разрывов внутренних органов, ран и ссадин, плюс повреждение черепа, – все свидетельствует о том, что сначала его ударили машиной, и он упал навзничь, но был еще жив и вполне способен двигаться. А когда он приподнялся над землей и голова его оказалась на уровне капота...

– И это называется приподнялся? – удивилась Рита. – Получается, что он просто вскинул голову.

– Может, и так. В общем, машина наехала на него еще раз, и удар пришелся в голову. Потом произошел наезд. Борис... Ты, Михаил, наверное, знаешь его – Борис Григорьевич Анджан, эксперт.

– Нет, по правде говоря, не знаю, – признался Грушин.

– Словом, Борис предположил, что машина кружила вокруг Сажина, подминая его под себя: кто-то, сидевший за рулем, очень хотел его смерти. Однако круто резко наехать и прокатиться колесами по телу убийца не сумел, думаю, здесь сработал психологический фактор. Это отнюдь не хладнокровный убийца.

– Ничего себе – не хладнокровный! – покачала головой Рита. – Так измываться над человеком! В том-то и дело, что раздавить, наехав один раз, было бы проще и быстрее. А тут

чувствуется, что Сажина изрядно помучили перед смертью. Женский почерк... Это женщина мстила!

– Откуда такая уверенность? – спросил Грушин.

– Это не уверенность, а предположение. Не знаю. Интуиция. Постарайся выпытать у этой Плетневой побольше. Что она знает о Светлане. Выпотроши все-все, касающееся личной жизни этой блондинки.

– Блондинка – это у нас кто? – поинтересовался адвокат.

– Это Рысина, – ответил за жену Марк.

– Рысина Светлана, хозяйка машины, понимаешь? Возможно, она хотела подставить подругу. Знаешь, Миша, я говорю тебе это, а самой не верится. Думаю, все-таки – девчонки ни при чем. Но надо постараться, чтобы это доказать.

– Жаль, что ты – кормящая мать и у тебя нет времени помочь следствию, – попытался пошутить Грушин.

– Нет, я уже не кормящая мать, у меня есть время, к тому же мне это интересно. Но Марк не позволит мне вмешиваться в это дело. К тому же он сам не имеет к нему никакого отношения. Мы с ним проходим как свидетели, не больше.

– Жаль.

– Знаете, о чем я сейчас подумал? – Марк пристально посмотрел на Риту. – А что они вообще делали в камышах?

– Кто? Девчонки? – Грушин напрягся, надеясь услышать что-то крайне важное, что впоследствии пригодится ему для защиты Плетневой.

– Ну да! Что они там забыли? Под ногами грязь, да и во-

обще опасно, как в болоте.

– Там песок. А они сказали, что искали хворост. Вернее, не хворост, а старый сухой камыш, словом, топливо для костра. У них и котелок с рыбой был приготовлен. Они действительно собирались варить уху, иначе как объяснить этих лещей, карпов, сам костер. Они не могли приготовить все нарочно для кого-то, я имею в виду для свидетелей вроде нас: вот, мол, мы просто варим рыбный супчик. На этом берегу вообще мог никто не объявиться.

– Это ты к чему, Рита? – спросил Марк.

– К тому, что ты тоже прав: что они делали в камышах, если костер у них уже горел, да и какое в этих зарослях топливо? Разве что сам камыш? Не знаю. Никогда не клала в костер камыш. А если они приволокли труп туда, и в эту минуту появились мы? Вот они, чтобы их поведение показалось нам естественным, и заорали? На публику.

– Но они же не знали, что в машине именно мы! Это мог быть кто угодно. Необязательно, что пассажиры случайной машины сразу же отправились бы осматривать эти камыши.

– Получается, их крики – естественная реакция на обнаружение трупа, – заключил Грушин. – Что и требовалось доказать. Значит, моя подзащитная ни в чем не виновата. Да и вообще, если бы эти девчонки убили Сажина, то их бы с пляжа как ветром сдуло – не дуры же они?

– Тоже правильно, – сказал Марк. – Тем более что смерть Сажина наступила...

– Да, кстати! А когда же наступила смерть этого парня? – быстро спросил Грушин.

– Ночью, приблизительно между часом и тремя.

– Значит, это точно не они. Не стали бы они дожидаться, пока их увидят на месте преступления! Думаю, моя защита будет строиться именно на этом.

Рита взглянула на него и с трудом скрыла усмешку.

– Ну что, чаю или кофе? – спросила она, убирая со стола тарелки.

– Знаешь, Машенька, хоть отпуск свой я отгулял всего два месяца тому назад, но уже устал. Вот чувствую – устал. – Виногорадов Николай Петрович, следователь прокуратуры, стоял у окна и смотрел, как дождь поливает улицу. И вокруг такая мгла, тоска, и так не хочется выходить из теплого светлого дома, где на столе – его любимые пирожки, заваренный чай и жена рядом, чувствует ее присутствие, он радуется тому, что она у него есть, такая родная, все понимающая.

– Коля, ты знаешь мое мнение. – Маша, невысокая худенькая женщина в домашних брюках и мужского покроя рубашке, подошла к мужу сзади и обняла его. – У тебя очень тяжелая работа, она требует постоянного напряжения – и умственного, и физического. Да что я говорю, мы оба это понимаем! Так брось ее, займись чем-нибудь другим.

– Чем? Вообще-то один приятель звал меня в частный сыск, но там, кажется, будет еще тяжелее и сложнее. Правда, и платить там будут больше. Даже и не знаю, что делать.

– У меня хорошая зарплата, – робко проговорила Маша. – Ты же отлично понимаешь, что с голоду мы не умрем. Другое дело, что тебе нравится твоя работа, она интересная, не то что у меня – сплошные финансовые отчеты, арбитражные суды, выколачивание долгов.

– Честно говоря, у меня весь запал уже прошел, моя рабо-

та давно не кажется мне очень интересной. Больше того, мне все чаще кажется, что жизнь проходит мимо. Ты уже сколько раз звала меня отдохнуть за границу.

– Ты в последний момент отказался от Италии, Венеции, – напомнила с горьким укором жена.

– А ты-то почему не поехала одна?

– И что мне там делать без тебя? Думаешь, мне приятно ходить повсюду одной, спать в отелях, есть в ресторанах, зная, что ты здесь, тоже один, скучаешь... Или я ошибаюсь?

– Вот и я о том же. Говорю ведь – жизнь проходит мимо. И самое главное, я чувствую, что словно отравлен этой... другой жизнью: преступлениями, убийствами, трупами. Вот вы, обыкновенные люди, я имею в виду – не связанные профессионально с подобными негативными явлениями, живете куда более спокойно, не думая о том, что повсюду полно убийц. А я вижу их каждый день: допрашиваю таких сволочей, негодяев, просто зверей!

– Вот для контраста и поехал бы со мной в Италию! Окунулся бы совершенно в другую жизнь, напитался бы красотой, теплым солнцем. Думаю, ты воспрял бы духом, да и мысли твои, быть может, потекли бы в другом направлении.

– Думаешь, я уволился бы?

– Кто знает. Я понимаю, о чем ты.

– Правильно. Если все мы уволимся, то кто же останется ловить преступников?

– Тоже правильно. Ты – мужчина, тебе и решать. Я нико-

гда не стану на тебя давить. Другое дело, если ты чувствуешь, что тебе плохо, на душе кошки скребут, и ты не хочешь идти на работу. Так найди способ, чтобы остаться дома. Возьми больничный, к примеру.

– Это как? Симулировать какую-нибудь болезнь?

– Коля! Не знаю, что сказать, решай сам.

– Давай еще немного подкрепимся, а?

Они вернулись к столу, Николай Петрович съел три пирожка с мясом, выпил большой бокал сладкого чая. Маша, сидя напротив мужа, смотрела, как он ест, и жалела его.

За окном, несмотря на раннее утро, стало совсем темно и мерный звук дождя навевал тоскливую скуку.

– Может, музыку включить?

– Что толку, если мне через двадцать минут уже выходить? – вздохнул Виноградов. – Но все равно включи. Какой-нибудь вальс.

На сердце было так нехорошо, да и тело, словно помимо его воли, заленилось, стало вялым, непослушным. Даже из-за стола вставать не хотелось.

– Правда, Маша, что-то мне не по себе. Может, я заболел?

– Говорю же, не хочешь идти на работу – не иди. Послушайся своего организма.

Виноградов вздохнул и отправился одеваться. Вышел из спальни под музыку вальса, обнял жену, поцеловал ее, потом еще раз.

– Представляешь, у меня такое дело! Две девицы убили

мужчину, думаю, он был любовником либо обеих, либо одной из них. Разыграли Марка Садовникова, помнишь, я рассказывал тебе о нем, хороший такой мужик, тоже следователь.

– Садовников? Конечно, знаю. Он даже как-то заходил к нам, у него к тебе какое-то дело было. И что?

– Он свидетелем оказался. У меня нет времени, а то бы я тебе все рассказал. Словом, нас, мужиков, и так мало, а тут еще на нас и охотятся! И такая страшная смерть – этого Сажина задавили машиной. Давили-давили – и задавили. Адвокат должен прийти, Грушин, хочет встретиться со своей подзащитной, Плетневой. У них работа такая – защищать всех, даже самых отъявленных преступников. Ладно, Маша, без меня не скучай. Везет тебе! У тебя отгул, сейчас телевизор посмотришь.

– Да у меня стирки знаешь сколько?! Да и вообще, дел полно, – отмахнулась Маша. – Хотя после обеда я, конечно, посплю. Грех, когда идет дождь, не выспаться в тишине.

Виноградов с особой нежностью напоследок обнял жену, поцеловал:

– Выспись и за меня.

И вышел из дома.

8

– Вам в эту дверь. Проходите. – Какой-то человек взял ее под локоть и ввел в залитое голубоватым холодным светом помещение, где на оцинкованном столе она увидела голого Сашу.

Она хотела что-то сказать, но не могла. Челюсти не слушались, она не сумела открыть рот, как не могла несколько секунд нормально дышать. Как такое могло случиться, что Саша лежит здесь – голый, мертвый? Конечно, он был мертв. Иначе разве он позволил бы так с собой обращаться?

– Роза Дмитриевна, – спросил ее человек, лица которого она не видела, да и не хотела видеть. Только знала, что он из прокуратуры, привез ее в морг для опознания. – Роза Дмитриевна, вам плохо?

– Нет, мне очень хорошо, – криво усмехнулась она и вдруг поняла, что может говорить.

Первый, самый тяжелый, шок прошел, чувства к ней возвращаются.

– Вам знаком этот человек?

Надо было поскорее заканчивать с этим театром! С опознанием. Они и без нее знали, кто это. Решили удостовериться, что не ошиблись. А раздел его кто? Эксперт? Ей сообщили, что Сашу убили. Его сбили машиной или произошло что-то в этом духе. Сейчас она не смогла бы вспомнить, что

они сказали ей в первые минуты встречи.

– Да, это мой бывший муж – Сажин Александр Георгиевич. Что с ним? Почему у него все тело синее? Лицо разбито. Волосы в крови...

– Мы вас отвезем к следователю, он вам все расскажет. Думаю, вы тоже, в свою очередь, поможете следствию и ответите на вопросы.

– Это автокатастрофа? Его сбilo машиной? Вы же сами говорили мне что-то такое. Что-то я плохо соображаю...

– Вы в порядке? Не хотите воды? Или валидола?

Какой добрый, валидол предлагает! Роза Дмитриевна взглянула еще раз на распростертое перед ней тело и вся сжалась. Запоздалая реакция – она вдруг разрыдалась. В голос. Плечи свело, зубы застучали... Она чувствовала, как ее выводят из морга, сажают в машину. Потом кто-то сунул ей под нос ватку, смоченную нашатырным спиртом.

В авто она немного успокоилась.

– Господи, что же с ним сделали?! – причитала она, кутаясь в плащ. – А дождь какой... Погода – мерзость. Словно природа плачет по нему. Я понимаю, он для вас – никто. Так, один из тех, чья фамилия значится на папке с уголовным делом. А для меня он – человек, муж. Мы были в разводе, но я все равно продолжала считать его своим мужем. Вы можете смеяться надо мной, но даже после того, как он ушел, я еще продолжала заботиться о нем, какое-то время приходила в его квартиру – прибраться, жарила ему котлеты, даже

тапочки новые купила! Мне все еще казалось, что я могу его вернуть. Но он не пришел. А если бы вернулся, остался бы жив...

И вдруг она замолчала. Поняла, что сказала глупость. Эти слова могут быть неправильно истолкованы немногословным представителем закона.

– Вы только поймите меня правильно. А то еще подумаете, что... – После этих слов она поняла: она сделала еще хуже. Покраснела от волнения. Подумала: надо бы прежде подумать, чем говорить. Ведь Сашу убили! Она вспомнила это слово. Сначала ей позвонили, предупредили, потом пришли и сказали, что Сажина Александра Георгиевича убили. И попросили ее проехать с ними на опознание. Теперь она точно все вспомнила.

– Куда вы меня везете? – спросила она, чувствуя, как сознание затуманивается, ей становится дурно. – Здесь так душно! Может, откроете окно? Хотя – дождь...

Марк перечитывал дело об убийстве директора мебельной фабрики, когда в кабинет ворвался Локотков.

– Лева, ты что? Случилось что-то? Пожар? Наводнение? Землетрясение?

– Марк, ты не поверишь! Представляешь, Виноградов сломал ногу! Вышел из квартиры, лифт не работает, он только начал спускаться, как подвернул ногу, упал как-то неудачно, скатился на несколько ступенек вниз и в результате ногу сломал!

– А почему ты так радуешься-то? – не понял Марк.

– Знаешь, что он мне рассказал? Говорит, так не хотел идти на работу, просто ужасно не хотел и жене сказал. Чувствовал, что не надо ему идти. Дома ему, видите ли, хотелось остаться, пирожков с мясом поесть, с женой посидеть, телевизор посмотреть. Все! Теперь он и дома, и с женой, и с телевизором. Не зря ученые пишут, что если уж человек не хочет что-то делать, так за него судьба распорядится таким образом, чтобы он это не сделал. Помнишь, как в детстве не хотелось идти в школу, на контрольную, и вдруг у тебя начинал болеть живот, причем самым натуральным образом!

– Лева, успокойся. Виноградов сломал ногу, а ты радуешься.

– Да не радуюсь я, просто удивляюсь. Слушай, Марк, а же самого главного тебе не сказал: дело об убийстве Сажина передают тебе! С минуты на минуту должны принести документы. И еще: в коридоре сидит женщина. Ее привезли из морга.

– Как это – из морга? – Марк разве что не покрутил пальцем у виска: подумал, что Локотков зарпортовался.

– Это бывшая жена Сажина. Ее привезли из морга, она опознала бывшего мужа. На допрос к Виноградову. Но раз Виноградов, лежа в гипсе перед телевизором, поедает пирожки, допрашивать ее придется тебе. Ни пуха!

– Лева, ты, случайно, не выпил?

– Только кофе, исключительно кофе!

Роза Дмитриевна, женщина лет пятидесяти, но ухоженная, холеная, тщательно одетая и причесанная, сидела перед Марком с опухшим от слез лицом и терзала мокрый носовой платок.

– Скажите...

– Меня зовут Марк Александрович Садовников.

– Марк Александрович... Как он умер?

– Его убили, Роза Дмитриевна. Примите мои соболезнования.

– Понимаете, Саша и после развода оставался для меня мужем. Другой вопрос, что он этого не понимал, – затянула она свою вечную песню. – Я говорила ему: Саша, оставайся у меня, живи как хочешь. Конечно, я понимаю, ты младше меня почти на двадцать лет, а вокруг – красивые молодые девушки. Я не осуждаю тебя. Но он был слишком порядочным, чтобы, живя со мной, встречаться с другими женщинами.

– Расскажите все по порядку.

– Хорошо. Господи, говорю с вами, а самой не верится, что Сашеньки больше нет!

– Роза Дмитриевна, пожалуйста...

– Мы познакомились с ним больше пяти лет тому назад у одной моей приятельницы на дне рождения. Знаете, была такая хорошая, веселая компания, где все прекрасно знали друг друга. Зиночка стол накрыла шикарный, так нас всех встретила... У нее я впервые и встретилась с Сашей. Я понимаю, сейчас-то я не в форме – еще бы, я только что из морга,

вся опухла от слез, от косметики остался один пшик. Но тогда я, что называется, была разодета в пух и прах, мужчины с меня глаз не сводили! Да и сама я чувствовала, что нравлюсь многим, в том числе и Саше. А он-то был приглашен самой Зиной, и, как я уже потом узнала, Саша был ее любовником. И не хотела я его отбивать, но как-то само собой все получилось. После дня рождения мы, веселые, в подпитии, вышли от Зиночки. На улице снег, красотища кругом, настроение прекрасное. Саша предложил меня проводить. И, как иногда бывает, я предложила ему зайти ко мне выпить чаю. И мы его выпили. Остался он у меня, а потом мы расписались. Конечно, я понимаю, что Саша, возможно, не настолько был влюблен в меня, как я увлечена им, расчет с его стороны, безусловно, имелся. Он нигде не работал, жил исключительно для себя, спокойно тратил мои деньги, но мне нравилось это. Ведь я имела возможность постоянно видеть его. Пожалуйста, не презирайте меня, но просто я тогда находилась в том возрасте и положении, когда женщина с моим материальным достатком может позволить себе молодого мужа. Да, я купила его и пользовалась им в течение пяти лет. И была счастлива, да-да! И мне было горько узнать, что Саша на протяжении этого времени несколько раз погуливал от меня – и с кем, вы думаете?! С моими же приятельницами-ровесницами. Он делал это исключительно за деньги. Зиночка была рада вернуть его себе, пусть и на время. За те свидания, что он ей дарил.

– Дарил?! – не выдержал Марк.

– Вы правы. Это нельзя назвать подарком уже хотя бы потому, что Зина купила ему дорогуший костюм, они с ним специально поехали в Москву, она решила «побаловать мальчика», она так и сказала мне потом, когда мы с ней помирились.

– Это произошло уже после вашего развода?

– Разумеется. Мы не могли не помириться с ней, поскольку нас на тот момент многое объединяло.

– Что же именно?

– Она рассказала мне, что у Саши, оказывается, была связь и с Полиной Викторовной, еще одной нашей приятельницей, и с Катей, моей бывшей домработницей, которая удачно вышла замуж, но быстро овдовела. Словом, наш мальчик переходил из рук в руки, как настоящая шлюха. Вы думаете, я этого не понимаю?! Но я все равно продолжала его любить! И когда встречала его где-нибудь, в городе, к примеру, сердце мое ныло, мне хотелось идти за ним. Такая поздняя, болезненная любовь.

– Роза Дмитриевна, где вы были прошлой ночью с двадцать третьего на двадцать четвертое августа, между часом и тремя?

– Как где? Дома, конечно! Где же еще находиться одинокой и уже немолодой женщине? Я спала, представьте себе!.

– У вас есть машина?

– Есть, только я боюсь водить, держу водителя.

– Какая у вас машина?

– «Мерседес».

– Вы позволите чуть позже ее осмотреть нашим экспертам?

– Разумеется. Я же понимаю – вы ищете убийцу. Ищите! Но я не убивала. И Зина – тоже. И Поля, и Катя. Это исключено!

– Вы так легко отвечаете за других?

– Да, я за них могу поручиться!

– Но они же вас, каждая в отдельности, предали!

– Я все равно не держу на них зла: я понимаю их. Они чувствовали приблизительно то же самое, что и я, когда была с Сашенькой. Господи, мне же предстоит еще рассказать им, что он умер... Вернее, погиб. Его убили! У-би-ли! Боже, какое страшное слово!

– Фамилии Плетнева или Рысина вам ни о чем не говорят?

– Плетнева? Рысина? Нет, не слышала. У меня нет знакомых с такими фамилиями. А кто это?

– Скажите, ваш бывший муж предпочитал зрелых женщин исключительно из-за денег или все-таки ему просто нравились женщины много старше?

– Я тоже задавала себе этот вопрос, и знаете, к какому выводу пришла? Думаю, он принадлежал к тому типу мужчин, которые предпочитают иметь близкие отношения именно с женщинами нашего возраста. Только, пожалуйста, не произносите это слово вслух! Это не геронтофилия, нет. Мы же

не старухи! Вы бы видели моих подруг, они прекрасно выглядят. Все стройные, морщин очень мало. Господи, если бы мне кто-нибудь сказал, что я буду обсуждать подобные интимные вещи с совершенно посторонним человеком!

– Я задал вам этот вопрос не из любопытства, поверьте, – извиняющимся тоном сказал Марк. – Чтобы вычислить убийцу, я должен узнать о жертве как можно больше, чтобы понять мотив преступления.

– По-вашему, я этого не понимаю? Я и стараюсь вам помочь, говорю всю правду.

– Значит, вы считаете, что Александр предпочитал иметь близкие отношения с женщинами вашего возраста.

– Ему нравилось это, – Роза Дмитриевна густо покраснела. – Он был очень хорошим, талантливым, если хотите, любовником. Он умел обращаться с женщинами.

– Неужели его совершенно не тянуло к молодым девушкам? – Марк рискнул задать этот унижительный для собеседницы вопрос.

– Думаю, они его не возбуждали. Назовите это отклонением от нормы. Но это так. Иначе он изменял бы мне с более молодыми женщинами. К тому же в нашем городе не так уж и мало молодых богатых женщин. Уж если говорить о деньгах, о выгоде, то он смог бы совмещать приятное с полезным.

– Похоже, вы правы.

– Да. Собственно говоря, он сам признавался мне, что ему нравится мое тело именно потому, что оно такое, какое есть,

не молодое, перезревшее даже. Простите, Марк Александрович. Мне тяжело об этом говорить. Хотя... Подождите. Молодая женщина! Да-да, Зина же мне и сказала, что видела его не так давно в обществе молодой женщины. Точного возраста она назвать не могла, но сказала, что это была яркая и очень эффектная блондинка, длинноногая, шикарная. Я могу расспросить ее поподробнее, если нужно.

– Хорошо, но мы сами поговорим с ней, если возникнет такая необходимость. Значит, блондинка. И где же их видели вдвоем?

– Где-то в городе. В центре. Они шли по улице, молодые, красивые. Она держала его под руку.

– А с вами он тоже ходил... вы держали его под руку?

– Нет. Он вообще стеснялся ходить со мной куда-либо. Хотя мы, конечно, посещали и театры, и рестораны. Но это было тяжело для меня. Я понимала, о чем думают те, кто видит нас вместе. Вот, мол, старуха, разрядилась и привела в театр своего молодого любовника!

– Между вами существовали какие-нибудь финансовые договоренности, брачный контракт, к примеру? Или вы составляли завещание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.